

СЕРГЕЙ БЕРЕЖНОЙ

РЫЖИК

РАССКАЗ

Минул год, как вздыбленный майданом Донбасс проявил свой крутой и непокорный нрав. Укры, здорово ошипанные под Дебальцево, вновь оперились и жабыми прыжками двинулись сокращать нейтралку, заодно разведгруппами активно щупая оборону. Людей катастрофически не хватало, и как ни пытались командование растащить батальон по всей линии фронта в тонкую цепочку, бойцов у комбата Лешего едва хватало на опорные пункты.

О Рыжике я услышал в конце мая от него, когда по обыкновению привезли в батальон гуманитарку. Потом мы с ним даже подружились, нет, не с комбатом — с Лешим мы были накоротке ещё с лета четырнадцатого, — а с Рыжиком.

Боцману, Лёньке и Выксе достался хотя и дальний, но стратегически не перспективный и потому относительно спокойный участок. За спиной в полукилометре за вытянувшимся вдоль балки байрачным лесом* расположился хуторок в дюжину домишек, впереди — заросшее бурьяном второй год не паханное поле, с осени обильно засеянное минами. “Урожай” собирали редкие ДРГ** да всякое зверьё, но в последнее время и они не жаловали, — видно, чуяли опасность. Далёко на западе синели совсем крохотные конусы терриконов.

* Байрачный лес — широколиственный лес, растущий по дну и склонам балок (байраков).

** Диверсионно-разведывательная группа.

БЕРЕЖНОЙ Сергей Александрович, секретарь Правления Союза писателей России, прозаик, публицист. Участник боевых действий на постсоветском пространстве, в Сирии, на Донбассе. Лауреат литературных премий — “Большой литературной премии”, “Имперская культура им. Э. Ф. Володина”, “Прохоровское поле” и др. Живёт в Белгороде.

Рыжик приполз под вечер со стороны нейтралки. Солнце ещё не свалилось за щетинившуюся вдаль посадку, косо било в глаза, поэтому заметили его не сразу. Впрочем, тогда он вовсе не был ещё Рыжиком — так, грязно-жёлто-коричневатый обглодыш, бока впалые, хвост палкой волочитя, а в глазёнках тоска, страх и боль расплескались. Бочина вся разодрана: может, растяжку цапанул, может, под мины угодил. Он пытался встать на подламывающиеся ноги, пытался идти, да только мотало его из стороны в сторону, будто пьяного. Хотя разве лиса бывает пьяная, тем более совсем ещё лисий ребёнок? Сделает шаг-другой и ложится, вывалив язык, потом опять поднимется — шаг-другой с креном, и снова ложится. Да и какой там шаг — ковыль-ковылъ едва, и валится.

Он заполз на самую маковку бруствера окопа и свалился без сил. Дрожь волнами прокатывалась по тощему телцу, дыхание вырывалось со свистом, бока ходили ходуном, будто у загнанного.

— Тю, лиса! — ломанул брови шалашом Боцман и потянулся к автомату. — Бешеная, факт. Или лазутчик, раз от укров причалила.

— Сам ты бешеный лазутчик, — возразил Ленька. — Зенки повилазили, что ли? Не видишь, что зверюга раненая?

— Ага, в лазарет явилась, — оскалил прокуренные до желтизны зубы Боцман. — Не иначе, быть тебе, Ленька, сестрой милосердия.

Выкса, до этого не принимавший участия в обсуждении причин появления нежданного гостя, из-за плеча Боцмана ощущал прищуренным взглядом лисёнка, нахмурил лоб, и было видно по выражению его чумазого лица, как тяжело ворочаются мысли, и как-то не очень уверенно произнёс:

— Поди ж ты, дикая зверюга, а к людям приползла. С чего бы это? Эх, довели животину, что за милосердием к нам подалась.

— Иди ко мне, Рыжик, — поманил зверька Ленька и протянул руки. Лисёнок вжался в бурюю глинистую землю, прижал уши, сжался и закрыл глаза.

— Почему Рыжик? Лиса она и есть лиса, — проворчал Боцман.

Ленька осторожно взял его на руки и перенёс в блиндаж.

Рана оказалась глубокой и успела нагноиться. Лисёнок лежал, закрыв глаза, подрагивая мелкой дрожью. Ленька выстригал шерсть и марлей убирал гной, Выкса гладил зверя по голове, а Боцман, поглядывая в сторону укров, нещадно дымил своей трубкой, словно старая шаланда.

— Демаскируешь, — проворчал Выкса. — Это ж надо, зверь сам к человеку пришёл. Кому расскажи — не поверят.

— Шлёпнуть надо, нечего сопли размазывать. Чего ему мучиться, всё равно помрёт, — упрямялся Боцман, щупая взглядом по торчащей в полукилометре лесопосадке, и выругался.

— Тут философия жизни! — Ленька поднял к накату из крепёжного бруса грязный палец. — Человек ему бок разворотил? Человек. К человеку он за помощью приполз? К человеку. Во!

— Чего “во”? — не согласился Выкса. — Тут другое. Почему он к бандерлогам не пошёл? Чай, тоже люди, а, поди ж ты, к нам пришёл, знает зверь, от кого беда.

— Не люди они, хуже зверей, — веско припечатал Боцман. — А это, видать, тварь разумная.

Лисёнок дернулся и тявкнул фальцетом.

— Терпи, брат, терпи, — прошёлся Ленька ладонью по его голове, передавая своё тепло, и тот затих, лишь изредка поскуливая.

Посыпав рану толчёным стрептоцидом, Ленька осторожно перемотал бинтом туловище и отнёс лисёнка в угол блиндажа, уложив на своём бушлате, пододвинул миску и плеснул в неё воды.

— Попей, Рыжик, попей пока, а потом покормим тебя. Ишь, как отощал.

Лисёнок опустошил миску и, свернувшись клубком, затих.

— Эх ты, тигра полосатая, полоска белая, полоска рыжая, как наша житуха вся в полоску чёрно-белую, — немного оттаял Боцман и оглядел

лисёнка. — Теперь эти придурки будут тебе мышей ловить. Не житуха, а чистый мармелад.

Рыжик быстро пошёл на поправку, прижился и уже через месяц хозяйски сновал по окопу, днём отсыпался под топчаном в блиндаже, но не прочь был прижаться к тёплому Лёнькиному боку, когда тот в душную июльскую ночь выбирался за бруствер и, расстелив спальник, мечтательно всматривался в усыпанное звёздами антрацитовое донбасское небо.

Боцман хмурил мохнатые брови и нарочито сердито ворчал:

— Привадили лису, а если она бешеная? Вот кусанёт, и будет тебе сорок уколов в корму.

— В живот.

— Чего в живот? — не понял Боцман.

— В живот, говорю. Уколы от бешенства в живот колют.

— Таким умникам ещё и в корму, — упрямылся Боцман.

Но давно оттаяла просоленная морская душа и, словно нечаянно, летели с его ложки куски тушёнки прямо в лисью миску. А Выкса не скрывал симпатии, возился с ним, будто с малым дитём, рассказывая о своей незадачливой судьбе.

Комбат к появлению Рыжика в жизни бойцов отнёсся философски: мужики в окопах безвылазно уж который месяц, и конца не видать, так хоть какая-никакая, а всё ж забава. Лишь бы не расслаблялись. И если раньше вниманием крохотный гарнизон Боцмана он особо не жаловал, то теперь норовил заглянуть при каждом удобном случае. Между привычными расспросами нет-нет, да поинтересуется:

— Ну, как тут прибулда? Не мешает? Не демаскирует? — Потом достанет из кармана “горки” кусочек рафинада или печенья, сдует несуществующие крошки и протянет: — На, рыжий, отведай десерт, ты теперь на довольствии. Можно сказать, сын полка.

Прошёл год, как Рыжик поселился на позиции. Округлился, заматерел, обзавёлся роскошным хвостом и покладистым характером. Боцмана и Выкса терпел и даже брал с руки угощение, а вот к Лёньке привязался собачонкой верной и вился за ним следом, не давая проходу.

Мы привезли очередную гуманитарку, и пока разгружались, решил я навестить своего знакомого. Комбат дал машину только до хутора:

— Неровен час — долбанут, и одни колеса останутся в лучшем случае. У меня не автопарк, машин на пальцах пересчитать, не то, что вас, ненормальных. Так что дальше сам пешочком. И смотри, чтобы к вечеру в целости и сохранности на базу вернулся. Мне ЧП всякие ни к чему.

Лето ушло в зенит, и теперь степь дышала жаром, настоящим пылью и горькой пылью. И даже изредка забредавший со стороны далёкого моря ветерок, лениво разгонявший чубатые ковыльиные волны, не избавлял от зноя и к вечеру обессиленно стихал. В полукилометре от позиции подрагивала в мареве лесопосадка, наискосок отсекавшая изрядный кусок пожухлой степи.

— Як хустка линиялая, — с каким-то небрежением произносил Боцман, но в голосе ощущалась потаённая любовь.

— Чего, чего? — морщил лоб Выкса, сиюсья понять сказанное.

Происходил он из глубинной России, поэтому малороссийский язык иногда ставил его в тупик. Аккурат в апреле по недомыслию угодил он в забурливший Луганск — увязался с приятелем, доставлявшим какой-то груз на завод, а когда засоборился домой, то местная шпана тиснула у него на рынке бумажник, разбогатев на пару тысяч рублей и российский паспорт. И поделом: не разевай рот, всё равно в него ничего не положат.

Приятель уехал, пообещав подсуетиться с документами, а Выкса прибился к батальону Лешего, думал, на недельку-другую, пока всё не разрешится, да так и задержался на целый год, взяв позывной Выкса в память о родном городке.

— Хустка — это платок, — перевёл я Выксе.

Рыжик спал в блиндаже, и Боцман попросил:

— Да не буди ты его, опять всю ночь где-то шпындрали. Расскажи-ка лучше, что на белом свете делается.

Он погладил цевьё “калаша” ладонью с шахтёрскую лопату и вцепился прищуренными правым глазом в рдеющий закат, оседлавший острые маковки далёких терриконов. Левый туго перехватывала уже успевшая потерять первоначальную белизну повязка — всего сутки, как осколок распорол бровь и скуловую кость, чудом не задев глаза.

На моё робкое предложение, что надо бы повязку поменять, Лёнька лениво разлепил обветренные губы:

— Да не, ни к чему, он и так всех бандерлогов распугал своими бинтами. Пусть в грязных щеголяет, гусар.

Боцман сам взял себе такой позывной в память о флотской службе. Впрочем, он вполне ему соответствовал — эдакий морской волк, точнее, краб — клешнястый, кряжистый, что вдоль, что поперёк одинаково широк, глаза прячутся за наплывающими надбровными дугами с лохматящимися кустистыми бровями, взгляд исподлобья, голос басовитый и раскатистый, как морской прибой в приличный шторм.

Я неторопливо поведал о том, чем живёт Россия, потягивая терпкий, настоящий донником, желтоватый чай и украдкой поглядывая на часы. Стрелка ползла вниз, и пора было уезжать.

— Ладно, мужики, комбат машину ждёт. Жаль, не повидался с Рыжиком.

— А ты следующий раз на ночь приезжай. Как раз и повечеряете, и поговорите, — улыбнулся Боцман. — Да и вообще возвращайся, поговорим.

Их взяли на рассвете. Точнее, только попытались, но если бы не Рыжик — как пить спеленали либо порешили бы здесь, в окопе. Лёшка ещё за полночь, сдав смену Выксе, расположился за блиндажом в высокой траве. Небо ещё с вечера затянуло, не располагилось и ночью, ломило простреленную руку, и сон долго скрадывал его, но так и не одолел окончательно. За год войны он многому научился, а вот спать, расслабившись каждой клеточкой тела, так и не сподобился. Вот под разрывы спал, как говорится, без задних ног, а как только наступала ночь либо наваливалась тишина, так сразу пробуждалось подкорковое чувство опасности и не отпускало до утра.

Рыжик примостился рядышком, свернувшись калачиком, и Лёнька старался не шевелиться, чтобы не потревожить его. Душно и тихо, даже сверчки отложили свои скрипки.

Разведка из восьмого полка спецназа ВСУ перевалила через бруствер неожиданно и бесшумно, когда сон сморил Выксу. Даже не сон, а какая-то дурь навалилась и спеленала сознание. И глаза вроде бы открыты — не распахнуты по обыкновению, лишь вытянулись в щёлочку, и слух ловит какой-то шорох, только не передаёт сигналы опасности в мозг, который и видит, и слышит, и принимает решение. Накопленная усталость, как потом пытался я оправдать Выксе. Почти год безвылазно в окопе, не то, что усталость накроет — крыша поедет.

Неожиданно лисёнок встрепенулся, поднял острую мордочку, потянул в себя мокрым носом ночные запахи. И вдруг, вскочив, залился тонким и пронзительным лисьим лаем, сорвал с Выксы оцепенение. Он отпрянул от стенки окопа, но тотчас же тяжёлый удар по голове свалил его. На него навалились, дыша учащённо и яростно, переворачивая на живот и заламывая руки за спину, засовывая в распахнутый, от боли кричащий рот кусок тряпки.

Боцман сидел в блиндаже, пристроившись под тусклой лампочкой, и в который раз с упоением перечитывал “Морские сны” Конецкого, когда заголосоил Рыжик, и следом с силой распахнулась дверь и двое метнулись к нему. Боцман откинулся на стену, поджимая ноги, и нацеленный в голову приклад лишь скользнул, сдирая кожу у виска. Пружиной выпрямляя ноги, он ударил ими в живот нападавшего с такой силой, что тот, взмахнув руками, отлетел обратно к двери, едва не свалил второго. С каким-то звериным рыком Боцман вцепился в куртку на его груди и с силой потащил впереди себя вон из блиндажа.

Вехлипы, хрип и шум возни порвали ночь в клочья. Лёнька сорвал с пояса эргэдэшку, разжал усики, рванул чеку и метнул гранату в окоп. Осколки вобрали в себя стенки и кропы. Тот, что не успел спрыгнуть в окоп,

прошёлся длинной очередью поверх бруствера и бросился прочь к нейтралке. Он успел пробежать с полсотни метров, как раздался взрыв, дробя крик на короткие и затихающие “а-а-а-а”. Выксу вытащили из-под спецназовца, принявшего в себя смертоносный металл, и теперь он сидел, привалившись спиной к стенке траншеи, сжав ладонями разламывающуюся от боли голову и постанывая. Боцмана от осколков прикрыли собою выталкиваемые им разведчики.

Рыжика похоронили за околицей хутора. Лёнька плакал, Боцман сопел и отворачивался, а Выкса виновато тупил взгляд и предательски шмыгал носом.

— Доброволец. Ополченец. Погиб в бою, — глухо произнёс комбат, перевёл флажок автомата на одиночный, и случайно забредшую на прифронтовой хутор тишину трижды разорвали выстрелы.

Я вернулся после Спаса, когда лето уже всюю разворачивается к осени, жухнут и растворяются краски, а утренники свежи и прозрачны. Воздух, насыщенный духмяным запахом разопревших на солнце спелых яблок, щекотал ноздри.

— А Рыжик погиб, — пожимая руку, как-то бесцветно выдавил Леший.

— Как?

— Боцман расскажет. Вон там он, — и кивнул в сторону гаражей.

Боцман сидел у прогоревшего костра и ворошил палкой уже затухающие угли. Молча сунул руку, здороваясь, налил кружку чая и стал рассказывать. Говорил он буднично, но так, словно читал с листа — не запинаясь, гладко, лишь изредка отрывая взгляд от костерка и устремляя его на курящийся террикон. Чай давно остыл, ушла терпкость травяного настоя, и я, отпив глоток, вернул кружку. Боцман спрятал трубку в карман и поднялся:

— Я сейчас обратно. Если хочешь, можем на хутор к Рыжику вернуться. Мы его там похоронили.

“Уазик” иступленно трясся, наматывая грунтовку на лысые покрышки. Боцман угрюмо молчал. Молчал и водитель, лихо объезжая колдобины. Хуторок вынырнул из-за леска неожиданно. До боли знакомый, он выглядел каким-то запущенным и чужим.

Маленький холмик с нетёсаным желтовато-ржавым песчаником был виден с дороги. Три стреляные автоматные гильзы, перевязанные георгиевской ленточкой, прислонённая к камню табличка: “Ополченец доброволец Рыжик”.